

ДЕД

Рассказ

Елена Николаевна Тарасенко родилась в Оренбурге. Окончила Оренбургский государственный педагогический институт, преподавала гуманитарные дисциплины в школе. Учитель высшей категории, кандидат педагогических наук, 18 лет проработала на кафедре философии, культурологии и религиоведения ОГПУ. Публиковалась в альманахах «Башня», «Гостинный двор», «Паровозъ». Член Союза российских писателей, победитель областного литературного конкурса «Оренбургский край – XXI век» в номинации «Автограф» (2011), лауреат литературной премии имени П.И. Рычкова в номинациях «Поэтическая книга» и «Выбор читателя» (2017). Автор двух педагогических монографий и четырёх поэтических сборников. Живёт в Оренбурге.

– Ваше любимое занятие?
– Отдых!
– Любимый цветок?
– Гвоздика.
– Ваше жизненное кредо?
– Да здравствует хорошая пенсия!

Ёлки-палки, это уже восемнадцатый вопрос. Какое у меня, однако, ангельское терпение. Впрочем, чего только не сделаешь для родимой внучки.

– Любимое имя?
– Разумеется, Алла. А как ещё я могу ответить в присутствии дражайшей супруги?
– Любимое блюдо?

Ура, наконец-то я дождался приятного во всех отношениях вопроса. Отвечаю со страстью и воодушевлением:

– Пельмени!
Внучка закрыла тетрадь.
– Спасибо, дед. Извини, что время отняла.

– Да ничего, пташечка моя облезлая. Ты не первый раз это делаешь.

— Рада стараться, дирижабль мой нелетающий!

Я смотрю на сидящее передо мной ехидное существо двадцати двух лет от роду. Невозмутимая улыбка, бешено сверкающие очки, прямая спина вечной отличницы. В институте ей выдали достаточно дурацкую анкету и велели опросить как можно больше народу. Я ответил, на очереди бабушка, мама и соседи. Но, откровенно говоря, я счастлив, что сегодня не двадцать третье февраля и не девятое мая. Иначе мне пришлось бы вновь пересказывать эпизоды своей военной биографии, чтобы внучка могла сдать очередное сочинение.

— Скажи, сколько раз ты писала о моих приключениях на войне?

— Четыре. В первом классе, третьем, седьмом и десятом.

— Ты помнишь текст?

— Смеёшься, что ли? Нет, конечно.

— Да не наизусть, а хоть приблизительно — о чём там говорилось?

— Не помню.

Вот и всё. «Никто не забыт, и ничто не забыто». А она не помнит. Студентка, умница, языковед, ну её к козе. Я тогда тоже был студентом.

— Больше не проси меня рассказывать о войне.

Внучка включает телевизор и выходит из комнаты. Мне хочется крикнуть, что фронтовики нынче воспринимают в качестве

справочников, в которые заглядывают лишь два раза в год. Но эта фраза слишком трудна для меня, и громко произнести её не хватает дыхания. Что ж, скажу тихо, сам себе.

Когда началась война, я был второкурсником педагогического института в городе Якутске и строго соблюдал любопытный распорядок дня. А именно: с утра на занятиях, с 14-00 до 18-00 на строевой подготовке, стрельбах и лыжных маршах, в том числе и в пятидесятиградусный мороз. А в два часа ночи — вызов в горвоенкомат для разности мобилизационных повесток по квартирам. В свободные вечера все ребята ехали на пристань разгружать баржи, вмёрзшие в лёд. Отец работал в колхозе и получал за трудодень двести граммов хлеба и двадцать копеек денег, которые шли на уплату различных налогов. Я был должен сам зарабатывать на жизнь, спал по четыре часа в сутки, остальное время вёл борьбу за существование.

В то время мне шёл восемнадцатый год. Я был секретарём комсомольской организации института, внештатным заведующим студенческого клуба и учился на отлично, за что получал Калининскую стипендию (в переводе на современные деньги — пятнадцать рублей в месяц). Студенту полагался паёк — триста граммов сырого чёрного хлеба с отрубями плюс тарелка супа с картофельной шелухой. Мы не унывали:

был «приварок» — заработки по чистке туалетов, работа на пристани, рыбалка, охота на сусликов. Тяжелее было положение у слабой половины человечества, ведь наши девчонки не имели возможности таскать на себе из трюма шестипудовые мешки с углём.

Вот пришла моя очередь: вызвали в военкомат, после чего я тридцать дней добирался до Читы. Восемь месяцев учёбы, звездочки на погонах, эмблемы танкиста — и младшие лейтенанты разбегались по частям на трёхмесячную стажировку. Я проходил её на станции Домна Иркутской области, в авиадивизии, однако в своих ботинках с обмотками и в солдатской замусоленной гимнастёрке никоим образом не походил на молодцеватого лётчика. После стажировки я получил назначение в 583-й стрелковый полк помощником начальника штаба в Борзинском укрепрайоне, что на границе с Манчжурией. В то время японцы держали на рубеже полуторамиллионную армию, готовую по первому приказу наброситься на Дальний Восток. Нашу страну обороняла со стороны Забайкалья одна лишь 17-я стрелковая армия, и большинство границ прикрывалось слабо.

Чтобы произвести внушительное впечатление на японскую разведку, применялись своеобразная имитация и тщательная её охрана. Вырывались артиллерийские и танковые окопы, в них ставились фанерные танки и деревянные

пушки. Мы создавали шумовую иллюзию работы авиационных и танковых моторов, то есть специально брали отслужившие своё и списанные моторы, устанавливали их на санки или в повозки и ночью возили вдоль границы. Днём подтягивались стрелковые, артиллерийские и танковые части, которые начинали на виду у японцев строить оборонительные сооружения. Чтобы враги могли верить в реально существующего противника, наши части совершали постоянные переходы, учения, инженерные и земляные работы, воздушные полёты. Ночью же все бесшумно уходило обратно, подальше. Утром тот же самый батальон с шумовыми эффектами подтягивался к границе в другом месте. Мы даже проводили обманные радиопереговоры по простейшим таблицам, чтобы японцы могли расшифровать беседы, но не сумели догадаться, что им подсовывают «жареного барана» (так в военном фольклоре называлась фальшивка).

В таких условиях я пробыл в полку полгода, а потом меня перевели в 41-ю запасную стрелковую бригаду, в шифровальное отделение, где пришлось работать по 16-18 часов в сутки. Это был уже настоящий труд, а не имитация. Термин «скрытое управление войсками», применявшийся к нашему делу, внушал мне особую гордость. В эфире звучал язык цифр, но мы из этих цифр делали слова и создавали документы.

Вскоре я был командирован в штаб Первого Прибалтийского фронта к маршалу Баграмяну и, добираясь до города Полоцка на автомашинах, получил боевое крещение. В белорусских лесах минами было напичкано всё придорожное пространство. Передовые части расчищали дорогу, но по её краям не успевали проводить разминирование. Когда наша машина была вынуждена съехать на обочину, раздался взрыв, и я очутился на земле в клубах пыли, получив лёгкую контузию. Спасли меня, как ни удивительно, мешки с мукой, отгородившие седоков от шофёра. Водитель погиб, а от машины осталась куча металла.

Однажды наша дивизия после захвата немцами города Биржая оказалась в тылу врага, за сорок километров от линии фронта. Девятнадцать дней мы держали круговую оборону в лесу. Половина личного состава была ранена, и поэтому в окопах находились все, вплоть до начальника штаба. Перед выходом из окружения тяжело ранило начальника шифровального отделения капитана Ляпунова и его старшего помощника лейтенанта Цветова. Мне было дано приказание лететь на кукурузнике ночью и на парашюте спуститься в расположение дивизии.

Парашют я никогда в жизни не видел, как пользоваться им — не знал, а тренироваться было некогда. Меня привезли к аэродрому, подвесили к парашюту, и мы полетели. Передний край удалось

проскочить без происшествий, и через несколько минут лётчик произнёс удивительную команду, которая очень хорошо мне соответствовала. Он воскликнул: «Вываливайся!»

Я вывалился как мешок, услышал над собой хлопающий звук, и меня подбросило. Откуда-то снизу внезапно надвинулась громада леса, я получил удар по ногам и завис в полуметре от земли, спиной к дереву. Всё стихло, лишь вдалеке стрекотал мотор самолёта. В небесах, столь же уныло, как и я, висела осветительная ракета. Я не помню, сколько времени прошло: пять минут или тридцать; но когда раздался бормотание, сопение и брань, я понял, что пришли наши.

— Где-то здесь он должен шлёпнуться...

Ругань и приглушённые смешки. Я узнал московский говор сержанта Мартьяна Русова из разведроты.

— Ребята, я здесь! — завопил я. — Снимите меня с ёлки!

Они быстро подошли ко мне, обрезали стропы парашюта, и я двинулся за своими проводниками. Вот таким оказался мой первый подвиг. Героически я выглядел в нём? Не думаю.

В июне 1944-го года я очутился в Москве с важным военным донесением. Я вновь пытался совершить подвиг, но вместо этого прямо с Ярославского вокзала попал на городскую гауптвахту. За что такая немилость? Да уго-раздило меня прямо на вокзале

расспрашивать людей из толпы, как пройти в Восьмое управление Генштаба СССР.

На войне меня преследовало чувство весёлого ужаса. Особенно остро я ощутил его, когда увидел воочию самое грозное советское оружие — гвардейские миномёты «Катюша» и «Ванюша». Недаром бытовал на фронте солдатский вариант песни о Катюше, написанный от имени перепуганного немца: «Уходи ты с берега, Катюша, не стреляй по берегу кругом». Недаром кричали фашисты: «Капут, Иван воротами бросается». Это означало, что массивная батарея «Ванюш», действительно похожая на громадные ворота, взлетала вместе с установочной рамой и рвалась в тылу противника.

В июне 1944-го года, находясь в белорусском городе с простодушным названием Городок, я видел, как население возвращалось из лесов к своим очагам. На развалинах копошились люди: разбирали уцелевший кирпич, складывали его в тачки и увозили на строительство жилья. Рядом заделывалась стена, разбитая снарядом. Напротив когда-то был небольшой дом, от которого осталась одна русская печка с полуразрушенной трубой. На кирпичаче у печи сидела женщина с узелком. Ветер кружил золу и пыль, но она не обращала на это внимания. Деда этой женщины на глазах у всей семьи повесили немцы, мужа ожидала та же участь, двух маленьких дочек закололи штыками, а её саму, пытавшуюся

спасти детей, ударили прикладом по голове. Односельчане подобрали еле живую соседку и выносили её.

А на городской площади уже всё готово для народного суда. Поставлены девять виселиц, сооружены импровизированная трибуна и столы для судей, установлена берёзовая загородка для подсудимых — полицаяв и предателей. Около неё толпятся их родственники: жёны, сёстры, дети, родители. И хотя женщины рыдали, а старики грязными платками смахивали слёзы, народ на них глядел отчуждённо. Доносились крики: «Что ревёте над своими зверённышами? Вместе с ними и вас, сволочей, вешать надо». Вездесущие мальчишки подбегали поближе и кривлялись: «Рыжий-конопатый! Криворукий дубина! Эй, тётка Марья! Вот он сидит, убийца твоей семьи». Приговор выносился немедленно; подсудимого подводили к виселице, надевали на голову петлю и выбивали скамейку из-под ног. Весь народ на площади скандировал: «Смерть! Смерть!»; после такого зрелища я два дня не мог нормально разговаривать — заикался.

Капитуляцию курляндской группировки немцев я тоже наблюдал собственными глазами. Представьте себе: по шоссе медленно движется колонна танков. На танках сидит десант автоматчиков. Вооружённые немцы выстраиваются в колонны, командир подразделения или части подходит к бронетранспортёру

нашего генерала и на немецком языке докладывает, что, подчиняясь приказу и видя бесполезность сопротивления, складывает оружие и отдаёт себя на милость победителя. И в конце речи каждый с горечью выкрикивает фразу, которую сегодня почему-то считают анекдотической: «Гитлер капут!»

Оружие складывалось в автомашины, а каждую колонну пленных немцев конвоировал на восток взвод автоматчиков. К заходу солнца не было ни одного нашего солдата, который бы шёл пешком. Я как сейчас вижу: медленно и величаво, словно готовясь к Параду

Победы, катятся автомобили, повозки, велосипеды, мотоциклы. Едут даже старые баронские кареты, неизвестно где разысканные. В какой это пьесе я слышал такую фразу: «Кареты... Кареты с гербами!»? Бубнит телевизор, транслируя хоккейный матч. По-моему, я сплю...

* * *

Мой дед, ветеран и инвалид Великой Отечественной войны Василий Александрович Рудых умер в 1995 году. Простите мне эту неловкую попытку говорить от его имени.